

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ: О ЛЕЧЕНИИ ОДНОГО МЛАДЕНЦА (К ВОПРОСУ О ВНЕЗАПНОЙ ДЕТСКОЙ СМЕРТИ)*

ЙОХЕН ШТОРК**

В работе идет речь о шестимесячном ребенке, самочувствие которого нередко приближалось к состоянию детей, умерших внезапно. Мальчика настигали приступы, сопровождавшиеся остановкой сердцебиения и дыхания. После психотерапевтического лечения семьи, которое протекало в присутствии ребенка и длилось 32 сессии (до достижения ребенком 15 месяцев), приступы прекратились. Анализ данного случая позволяет глубже познать психодинамику и психопатологию младенческого возраста.

Как гласит заглавие, данная статья посвящена младенцу, страдавшему от загадочной болезни, во время приступов которой он не мог ни жить, ни умереть. Шестимесячный Чезаре остался в живых только благодаря тому, что, начиная с 5 месяцев, он был подключен к монитору, издававшему сигнал тревоги всякий раз, когда ребенок оказывался в положении, очень напоминающем смерть. За то время, пока звучал сигнал тревоги, родители успевали вовремя подбежать к кроватке малыша, заставляя его бледным, неподвижным и бездыханным. Когда мать брала его на руки, он создавал впечатление умершего: с отсутствующим тонусом, впавшего в безжизненный сон.

Весьма вероятно, что, не подоспей они вовремя, его можно было бы найти уже действительно мертвым, и потому условно можно принять, что в данном случае мы имеем дело с синдромом внезапной детской смерти. Мать или отец оживляли ребенка, что приносило успех буквально через несколько минут. Матери при этом казалось, что до восстановления дыхания прошла целая вечность. К моменту обращения к психотерапевту

* *Kinderanalyse*, Heft 1, Jan. 1994, Klett-Cotta, Stuttgart.

** Профессор *Й.Шторк* – практикующий психоаналитик, член Международной психоаналитической Ассоциации, заведует Психотерапевтической клиникой для детей и подростков Технического Университета г. Мюнхена, редактор психоаналитического журнала «Детский анализ».

у ребенка наблюдалось 20 подобных приступов. Они возникали внезапно, порой дважды в день, иногда один раз в 14 дней и были совершенно не предсказуемы. Консультации в нашей клинике предшествовали неоднократные обращения в другие лечебные учреждения.

Еще одним симптомом было исключительно странное поведение во сне и, прежде всего, ночные страхи (*Pavor nocturnus*). Чезаре внезапно пугался, начинал душераздирающе кричать, не открывая глаз и не просыпаясь до конца, что и вызывало особое беспокойство. У матери было такое впечатление, что ребенку снятся кошмары. Только после полного пробуждения и успокаивающего обращения к нему, слезы и крик постепенно прекращались, и мальчик затихал. Кроме того, ребенок противился сну, сопротивлялся укладыванию в кроватку и позволял уложить себя лишь после того, как совершенно выбивался из сил от усталости. Мать, г-жа П., прокомментировала это поведение следующим образом: «Все происходит так, как будто он чувствует, что может умереть во сне». Она очень опасалась за ребенка, особенно когда тот спал.

Предыстория рождения мальчика содержит немало трудностей. С 16 лет, со дня замужества, г-жа П. очень хотела иметь ребенка. Из-за того, что в течение 10 лет это желание никак не могло осуществиться, были предприняты все необходимые обследования. Так, удалось установить, что сперма ее мужа способна к оплодотворению, но обладает недостаточной скоростью для его успешного завершения. Супруги решились на искусственное оплодотворение (*Invitro-Fertilisation*), но беременность неоднократно заканчивалась выкидышами. Пятая попытка оказалась удачной. Она завершилась рождением мальчика, который должен был носить королевское имя Чезаре.

Матери Чезаре исполнился 41 год. Роды были самопроизвольными, но достаточно сложными. Они протекали на 37 неделе беременности (на 3 недели раньше срока) из-за преждевременного отхода околоплодных вод и резкого уменьшения двигательной активности младенца. Новорожденный весил 3170 г и имел рост 52 см. Находясь в состоянии асфиксии, через 20 минут после рождения мальчик был на 7,5 часов подключен к аппарату искусственного дыхания. Ему поставили диагноз «пневмония с медиастинальным пневмотораксом». Первые 9 дней ребенок находился в инкубаторе. Через 2 недели кардиоспирограмма показала патологический рисунок дыхания, который свидетельствовал о перерывах в нем, длящихся около 10 секунд. И хотя такие остановки не превышали критической границы, за мальчиком был установлен постоянный контроль посредством монитора, анализирующего дыхание и ЭКГ. Монитор запускал сигнал тревоги, если паузы в дыхании составляли более 20 секунд, а количество сердцебиений снижалось до 44 ударов в минуту. Как роды, так и проблемы с дыханием, явились для матери тяжелым переживанием. Драматично и с некоторым преувеличением она описывает, что пережила, встречаясь с врачами.

Взяв впервые своего ребенка на руки со всеми прикрепленными к нему зондами и трубочками, госпожа П. испытала по отношению к малышу страх и отчуждение. Она смотрела на него едва ли не с отвращением. Уже после первого месяца у нее развилась послеродовая депрессия. Г-жа П. вела себя неадекватно, как «кукольная мать», была слишком отчуждена и нетерпелива. В течение 4 недель она находилась в клинике вместе с младенцем, но лишь последние 5 дней провела с ним в одной комнате. Как только мать с ребенком оказались вместе, с монитора впервые поступил сигнал тревоги. Однако, ребенок пришел в себя сам и реанимировать его не пришлось.

После возвращения домой г-жа П. не чувствовала себя в состоянии взять на себя заботу о малыше. Прежде всего, она не могла содержать его в чистоте и пеленать. С кормлением же, наоборот, не наблюдалось никаких проблем. Все трудности по уходу за ребенком отец взял на себя, позднее ему помогала теща. Она приехала издалека, несмотря на протест дочери, и жила в том же доме, что и супруги, пока не завершилось лечение мальчика. На протяжении первых трех месяцев у ребенка было зафиксировано монитором 8 приступов апное (задержка дыхания) и брадикардии (снижение частоты пульса). Родители находили ребенка в предсмертном состоянии, уже описанном выше.

В возрасте 3 месяцев ребенок вновь был помещен в клинику для обследования, результаты которого не выявили никакой патологии сердечной деятельности и дыхания.

Как уже говорилось, до того момента, как я увидел ребенка в 6 месяцев, у него наблюдалось еще 12 приступов, за которыми последовали консультации в различных клиниках и у различных врачей.

ОПИСАНИЕ ХОДА ЛЕЧЕНИЯ

Отдельные подробности жизни семьи и симптоматики ребенка мне были известны из доклада коллеги, занимавшейся сбором анамнеза. Перед началом лечения родители дали свое согласие на то, что сессии будут записываться при помощи видео; в дальнейшем они разрешили публикацию материалов лечения. В основу нижеследующего текста легли протоколы видеозаписей.

1 сессия

Мать, г-жа П., внешне весьма утонченная женщина, расположилась с ребенком в кресле, слева от меня, совсем рядом, отец занял место напротив. Маленький низкий столик стоял посередине. На нем – ящик с игрушками, в числе которых имелась игрушечная семья, состоящая из мамы, папы, мальчика и младенца, а кроме того – крокодил, машинка, деревянные брусочки, бутылочка для младенца, мячик. Данная обстановка сохранялась на протяжении всего лечения, охватившего 32 встречи и продолжавшегося более 9 месяцев.

Я обратил внимание на то, что г-жа П. садится на край кресла,

пристраивая ребенка с внешней стороны своих колен. Таким образом, мальчик не имеет возможности прислониться спиной к матери и в случае утери равновесия может опереться лишь на свою руку. Его правая рука безучастно свисает вниз. Словом, Чезаре удерживает довольно хрупкое равновесие, так как мускулатура спины едва позволяет ему сидеть свободно и уверенно. Я смущен и сбит с толку нечутким поведением матери. Мне с трудом удается сдержаться от того, чтобы не продемонстрировать ей, как на самом деле следует держать такого малыша, и не посадить его к себе на колени. Я чувствую, что попал в сложную, почти гротескную ситуацию. Родители приходят ко мне с младенцем, которому угрожает смерть, и одновременно мать невольно демонстрирует скрытое его отвержение. Будучи стремительно захваченным водоворотом событий, я, естественно, среагировал моральным осуждением и должен был приложить немалые усилия для того, чтобы как-нибудь опрометчиво этого не выказать.

Благодаря такой сдержанности мне удалось вскоре получить опыт, позволивший понять, что же, собственно, происходит с матерью. Чрезвычайную важность и значение ее переживаний я оценил лишь позже, во время анализа текстов протоколов.

Обнаружилось, что г-жа П. с нескрываемым отчаянием и беспощадной откровенностью, при помощи слов и жестов, раскрывает свой внутренний мир. Намерение почти без прикрас представить мне свою судьбу и спасти то, что еще может быть спасено, вызвало у меня большое уважение и даже удивление. Как часто столь трудные случаи терпят неудачу из-за щегольства, тщеславия и лживости, подогреваемых стремлением приукрасить себя и свои переживания! Да и мне самому сложно описывать свой подход прежде всего потому, что все, выступающее в этих строках в качестве некоего осознанного материала, на деле происходило совершенно бессознательно и легко могло бы рухнуть уже в самом начале благодаря моему всезнайству, в котором всегда заложены элементы вины и наказания в их сочетании.

Итак, на первой сессии я был глубоко задет и смущен тем отвержением, которое г-жа П. демонстрировала по отношению к сыну, и теми непонятными состояниями смерти, которые время от времени настигали малыша. К тому же, г-же П. удалось полностью овладеть моим вниманием. В дальнейшем она приложит немало усилий, чтобы завоевать меня, привлекая на свою сторону. Она полностью оттеснит г-на П. Он долго еще будет казаться почти немым, едва решаясь включиться в обсуждение или первым молвить какое-либо слово, но оставаясь при этом весьма внимательным участником процесса.

Сообщив о жуткой ситуации, в которой она находится из-за приступов Чезаре, г-жа П. вскоре после этого поведала еще об одной детали, которая также явилась для нее катастрофой: она так мечтала о мальчике, – голубоглазом блондине! Ее мать говорила ей о том, что

мальчики всегда бывают похожи на своих матерей. Я слушаю ее и все отчетливее понимаю, насколько точно ее страшное признание отражено в том, как она держит мальчика на коленях: вы видите, как бы говорит она, ребенок, который сидит у меня на коленях, – совсем не то, что я хотела, и что мне было обещано. Позже я должен был понять, что человеком, не сдержавшим обещание, была ее мать.

Когда во время рассказа мои глаза время от времени встречаются с темными глазами Чезаре, я отвлекаюсь от матери, чтобы обратиться к нему. Я замечаю тот полный тревоги, продолжительный взгляд, который он изредка бросает на отца. И тогда я начинаю делиться с ним первыми впечатлениями, замечая, что со своими опущенными уголками рта он выглядит как испуганный и, одновременно, возбужденный маленький китайский демон. Я затрагиваю тему его шаткого положения на коленях у матери, с которых так легко упасть. Рассказываю про его тревожный, пронзительный взгляд и про темные волосы, которые так не похожи на то, о чем мечталось маме, и как ей плохо из-за того, что он выглядит совсем не таким, каким она его представляла.

Мальчик неотрывно слушает меня, несмотря на сложное равновесие, которое он продолжает удерживать на материнских коленях. И вопреки необычности вещей, о которых я ему рассказываю, уголки его рта в конце рассказа складываются в мимолетную улыбку. Он определенно показывает, что ему нравится, когда я с ним разговариваю, и у меня возникает впечатление, что в свои шесть месяцев он понимает больше, чем можно думать.

Я подвигаю к нему ящик с игрушками, и он тут же выхватывает оттуда фигурку матери и, конечно, тянет ее в рот. Воодушевленный этой реакцией, я протягиваю ему руки и спрашиваю, хотел бы он сесть ко мне на колени. Чезаре и его мама не имеют ничего против. Я удобно, обеими руками прижимаю его к себе, в известной мере и для того, чтобы показать матери, как надо держать ребенка. Чезаре, действительно, полностью расслабляется. Когда я глажу его по волосам, у него вновь появляется мимолетная улыбка. Я говорю ему, что вот теперь он может одновременно видеть и папу и маму. Чезаре склоняется над игрушкой и смотрит только на нее, он выглядит полностью погруженным в себя.

Затем я обнаруживаю, что он смотрит на отца, стараясь поймать его взгляд. Отец реагирует на это робко и почти смущенно. Я говорю об интересе Чезаре к отцу, и г-жа П. раздраженно замечает, что он всегда оживляется, когда отец входит в комнату. Г-н П., наоборот, не хотел бы говорить на эту тему, так как, по его мнению, она не стоит внимания. Кажется, он опасается, что подобное направление разговора может повлечь за собой ссору с женой.

Я развиваю эту тему. Говорю, что ему, должно быть, не просто принять факт, что он нравится сыну, и, возможно, ему также тяжело принять то обстоятельство, что у Чезаре такие же темные глаза и волосы,

как и у него, и что мальчик вообще – вылитый отец. Г-жа П. явно злится, но не знает, что сказать. Чезаре продолжает сидеть у меня на коленях, держа в руках фигурку матери. Время от времени он хватается ее ртом, слюнявит, затем внезапно роняет на пол и начинает интересоваться моим пальцем, который также берет в рот и начинает сосать. Мать удивлена и говорит взволнованно, что раньше он никогда этого не делал.

Я вижу, что г-жа П., слегка рассерженная на мою интерпретацию касательно интереса Чезаре к отцу, вдруг выражает удовлетворение. Она вводит в разговор фигуру своей матери, сообщив, что «ему (Чезаре) никогда не приходило в голову сосать пальцы на руках ее матери». И затем добавляет: «Я хотела мальчика. Я думаю, с девочкой мне было бы сложно».

В этот момент у меня появляется догадка, которая получит подтверждение позже: обе женщины ведут безжалостную борьбу за то, кто из них является лучшей матерью для Чезаре, и решают, кому он, собственно, больше принадлежит. Эти вопросы оживляют бесконечную череду взаимных упреков, уходящих корнями в детство: насколько мать была двулична, бессердечна, явно предпочитала ее брату и т.д., и, в ответ, бабушкины упреки в том, как ужасно ее дочь ухаживает за собственным сыном. При этом, очевидно, что г-жа П. находится в гораздо худшем положении, потому что никак не может справиться с ребенком, и он больше тянется к бабушке. Бабушка испытывает по этому поводу триумф, называя внука «мой маленький принц».

Говоря о том, что очень хотела иметь мальчика, а с девочкой у нее были бы проблемы, г-жа П. подразумевает, что с девочкой все было бы еще хуже... Затем она перешла к рассказу о своих мучительных видениях, в которых ее сын предстает мертвым: «Когда он спал, я увидела его в гробу и сказала, что он хорошо в нем смотрится». После такого рода высказывания ей самой стало ясно, что, помимо воли, она доверила мне свои фантазии, связанные с желанием смерти сына. Как бы в оправдание, она добавила, что видела в одном фильме мертвого ребенка в белом гробу, она всегда представляла себе этот белый гроб.

Как станет ясно позже, лежащие на поверхности опасения за жизнь ребенка, очевидно, сопровождалась неосознанными желаниями его смерти. Но тогда я растерялся и среагировал как врач: «Чезаре выглядит полным жизненных сил, и нет никаких причин для мыслей о гробе». Я не удержался от соблазна в подтверждение своих слов немного потереть Чезаре за нос, как это обычно делается в шуточных играх с детьми. Он защитился от моего «нападения», однако не испугался и, не теряя самообладания, остался на коленях.

После окончания сессии г-жа П. спросила, какое впечатление произвел на меня Чезаре. Я ответил, что убедился в его жизнеспособности, и добавил неожиданно громко, что ему понравилось сосать мой большой палец. Г-жа П. спросила, что означает тот факт, что

Чезаре выбрал для игры фигурку матери? Очевидно, она отождествляла себя с куклой, и тогда интерес Чезаре означал для нее привязанность и любовь. Я ответил, что, должно быть, так же, как Чезаре нелегко с ней, так и ей самой непросто с сыном, ибо она хотела бы владеть им единолично. Я напоминаю, что ей бы хотелось, чтобы он был похож на нее, а также повторяю, что иногда она видит его мертвым.

Возможно, этот ответ был не самым ловким, если принять во внимание, что она не скрывала своих проблем и готова была искать выход из замкнутого круга, состоящего из любви и ненависти.

Неслучайно, что пока я об этом говорю, Чезаре берет в рот деревянного крокодила, который на протяжении всего дальнейшего лечения будет пользоваться у него наибольшим предпочтением. Я почувствовал уверенность, убедившись, что за время сессии г-жа П. успокоилась и была почти довольна, что проявилось в ее заключительных словах. Так, она была сильно удивлена тем, что ребенку понравилось сидеть у меня на коленях. Когда мать забрала у меня мальчика, я представил, насколько больше и значительнее он стал для нее теперь.

Комментарий

После первой сессии симптоматика ребенка кардинально изменяется. Нарушения сна уменьшаются, принимают более мягкую форму, приступы апное и брадикардии прекращаются.

Такие разительные перемены требуют подробного комментария, затрагивающего и некоторые теоретические положения.

В первую очередь, изменения были связаны с уже тематизированным, то есть осознанным во время первой сессии материалом. На этой сессии произошла вербализация сильного желания г-жи П. иметь ребенка и вскользь была упомянута некая связь этого желания с собственной матерью. Это привело к разочарованию и отвержению реального ребенка и подспудному ожиданию его смерти. Отмеченные нами во время первой сессии обесценивание и игнорирование отца также играют важную роль в общей картине.

Осознание матерью желания смерти своего первенца повлекли за собой два психологических события, ставших решающими для признания существования ребенка. Г-жа П. смогла принять и ощутить радость от того, что я проявляю интерес к ее сыну. Таким косвенным образом она ощутила и выразила желание быть любимой своим малышом – она хотела бы быть той игрушечной матерью, которую он из всего множества игрушек выбрал и схватил в первую очередь. Как мы увидим далее, она вообще хотела бы быть для него всем. Как ни странно, в ней одновременно сочетались желание либидозного овладения сыном, простая любовь к нему и стремление раствориться в нем и его потребностях.

Я думаю, что благодаря осознанию г-жой П. желания смерти собственного ребенка, которое имело место в ходе первой сессии, происходит признание, утверждение его существования. Это проявилось в

трех весьма примечательных действиях мальчика, имевших символический смысл.

Первое действие заключается в мгновенном захвате фигурки игрушечной матери, едва лишь игровой материал оказывается в распоряжении Чезаре. Живая мать увидела в этом акте доказательство сыновней любви к себе, в чем она повторно захотела удостовериться в конце сессии. В дальнейшем мы убедились в том, что привязанность Чезаре к матери и ее страхам носила почти патологический характер. Так что, это доказательство любви было знаком чрезмерной зависимости, сравнимой лишь с полной ей принадлежностью.

Вторым символическим выражением является получение малышом орального удовольствия от сосания моих пальцев. То, что этому действию предшествует падение матери-игрушки, означает, что реальная мать позволяет сыну получать удовольствие от поглощения третьего, постороннего объекта. Это может говорить о проявлении глубоких чувств с ее стороны, придающих обычному жесту символический смысл.

Третьим символом является обнаружение малышом принадлежащего мне крокодила и изумление по его поводу. Крокодил станет почти постоянным спутником и, на отдельных сессиях, другом мальчика, атрибутом глубокого смысла, головой Горгоны и трофеем, полученным при изгнании злых духов. Когда мать захотела заменить его крокодиллом того же фасона, что и мой (таким образом, это был купленный ею и принадлежащий ей крокодил), он был решительно отвергнут малышом и, совершенно им не признан.

2 сессия

Я познакомился с семьей в пятницу и ожидал следующей встречи (мы условились о проведении сессий по понедельникам, средам и пятницам) с ощущением некоторой подавленности. Расставаясь, я чувствовал, что оказал на них какое-то влияние, и меня беспокоил вопрос о том, на какую почву лег разговор о желании ребенку смерти.

В понедельник сессия началась в более непринужденной атмосфере. Отец сразу отдал мне Чезаре, а мать рассказала о происходящем улучшении. Она говорит медленно, с чувством, не скрывая своей гордости за то, что вчера Чезаре начал протестующе плакать, не так как раньше – с бессильными слезами, а весьма злобно. «Такого с ним не случилось прежде!» Он не мог утешиться даже своим медвежонком, которого выбросил резко и со злостью.

Другое улучшение касалось сна. Вчера днем во время прогулки, когда он был вдвоем с матерью, Чезаре проспал час. И ночью не плакал жалобно, как обычно; лишь иногда чего-то пугался – вскрикивал и успокаивался.

Сам Чезаре выглядит более оживленным, чем прежде, сидит на моих коленях и все время занимается содержимым ящика с игрушками. Эта занятость не носит характера игры. Чезаре роется в ящике, его движения

при этом прерывисты и не вполне координированы. Но временами характер его действий становится непрерывным и исследовательским. Предпочтением пользуется деревянный крокодил, которого он исследует, и, конечно, засовывает его пасть в рот. Эти действия время от времени прерываются агрессивными всплесками, которые выглядят как-то насильственно, словно он сам не понимает, что с ним происходит: в мгновение ока может швырнуть предмет вдаль или внезапно, без видимой причины, столкнуть ящик с игрушками на пол.

Приступы агрессии проявляются и в более мягкой форме, имея некую связь с тем приступом злости, о котором мать сообщила в начале сессии. Мне кажется, они носят характер самообороны, негативизма, попыток освобождения. В дальнейшем всплески такого рода будут появляться все чаще и чаще. Вначале это просто отрывочные действия, которые не выказывают никакой внутренней связи с мимикой и жестами. С течением времени они получают все более намеренный характер. Я отмечаю, что эти порывы нередко связаны с содержанием материнских рассказов. В этой связи они имеют особый смысл и играют особую роль. Занимаясь содержимым ящика для игрушек, сидя на моих коленях, Чезаре иногда бегло смотрит на отца, но зрительного контакта с матерью не ищет. Однако он внимательно прислушивается ко всему, что она говорит. Мать Чезаре говорит непрерывно, совершенно не отпуская от себя.

Отец слушает внимательно, однако молчит, оставаясь в тени. Он не сможет избавиться от этой роли на протяжении всего курса лечения. Даже когда он придет с Чезаре один, без жены, то и тогда не сможет проявить инициативы. Постепенно он перестанет быть чрезмерно неуверенным, тревожным, словно ждущим ударов со стороны, но останется молчаливым участником происходящего. Он – тот человек, который служит полюсом покоя в семье, переживая агрессивные порывы своей супруги более осознанно, чем она. И г-жа П. отмечает все больше, и это находит выражение в проявляемом ею удовлетворении, что он может выдерживать ее вспышки, не теряя спокойствия.

Несмотря на то, что упомянутые изменения принесли супругам большое облегчение, г-жа П. выглядела довольно-таки печально. Сначала она отметила, что ей стало приятно оставаться одной с Чезаре по утрам; она впервые ощутила такую радость от ребенка и нахождения рядом с ним. Но при упоминании о радости, она вновь вернулась к мысли о том, что он должен умереть. Затем мать сообщила о желании родить еще одного ребенка. Она уже записалась на прием для нового зачатия *In vitro*.

Как только мать заговорила об этом, Чезаре опять разозлился. Он стал хаотично разбрасывать игрушки. Я попытался впервые установить связь между вспышками гнева и словами матери, и вслух заметил, что это происходит так, будто Чезаре все понимает и злится на маму за то, что она так думает.

Г-жа П. выглядит полностью отсутствующей и погруженной в себя и

не вникает в то, что я говорю. Вместо этого, она продолжает развивать мысль, что у Чезаре нет от нее ничего. Глаза, волосы, все – совершенно другое. Еще во время родов она поняла, что он совсем не тот, каким она представляла своего ребенка. Г-жа П. снова повторяет, насколько сильно ее занимают сейчас мысли о том, что Чезаре хотел бы умереть из-за того, что он не тот, о ком она мечтала.

Я снова отчетливо акцентирую это желание смерти и то, насколько сильные страдания, должно быть, доставляет ей несовпадение внешности мальчика с ее мечтой, и что она хотела бы его видеть, скорее, мертвым, чем таким, каков он есть на самом деле. Я замечаю, что Чезаре очень печален. Он погрузился в себя, сидя у меня на коленях, став совершенно апатичным. Я запоминаю это поведение, пытаюсь понять, является ли оно реакцией на материнские мысли.

Когда позже я объявляю об окончании сессии, Чезаре протестует и бросает игрушки куда попало. Вновь оказавшись в отцовских руках, он радуется и впервые смотрит на него широко открытыми глазами.

Комментарий

Когда г-жа П. говорит о впервые проявившейся агрессивности мальчика, она, несомненно, признает за этим явлением ту роль, которую такое интенсивное выражение чувств играет для его существования. Несмотря на кажущуюся незначительность, само признание и правильная оценка явления со стороны матери имеют огромное значение. Проявление агрессии следует рассматривать как момент кристаллизации. Начинающееся существование Чезаре обрело мотор. Эта особенность оказывается в одном ряду с развитием, которое нашло свое отражение в проявлении первых символических форм. Благодаря выражению своих чувств, мальчик впервые смог защитить себя от проекций матери. Можно предполагать, что он стал отвоевывать для самого себя сон и сновидения, строить в сновидениях свою личную внутреннюю жизнь, что означает ни что иное, как восприятие своей индивидуальности и идентичности.

Возможно, некоторым читателям не очень понравилось, что я уже на второй сессии связал агрессивные проявления Чезаре со словами матери и, более того, с их содержанием. Такой подход мне кажется крайне важным, и я надеюсь показать по ходу лечения, каковы его значение и смысл. К тому же, уже в этот момент был отмечен парадокс, заключающийся в одномоментном существовании отвержения матерью своего сына и попытки слияния с ним.

3 сессия

На этот раз г-жа П. радостно сообщает о том, что Чезаре впервые заснул после обеда. Это явилось для нее большим облегчением. Отец снова отдал мне ребенка, которого я усадил на руки. Последние два дня мальчик перестал бояться укладывания в постель, и даже радовался этому. Кошмарные сновидения пока не исчезли. Во сне он сильно кричал, не

просыпаясь. В этих случаях мать брала его на руки, успокаивала и снова укладывала спать. Он начинал звать «мама» или «меми», если был недоволен. Мать решила купить ему какую-нибудь игрушку. Выясняется, что у Чезаре нет никаких игрушек, кроме медвежонка.

Чезаре ведет себя очень живо, привлекает внимание отца глазами и показывает ему животных, которых он держит в руках. Один раз он смотрит на меня долго и испытующе.

Г-жа П. вновь начинает припоминать, что происходило после родов, и возвращается к «невероятным мыслям», от которых она не может отделаться. Их смысл сводится к тому, что Чезаре должен умереть. Для нее было полной неожиданностью, что после 15 лет ожидания она родила ребенка, который совершенно не соответствовал ее представлениям. Ей приснилось, как она берет малыша к себе в постель, чтобы приласкать. Она проснулась в испуге и начала упрекать себя за этот испуг. И снова объяснением желания смерти было уже известное: он не тот, кого она ждала. Тут же она привела еще одно пояснение. После сигналов тревоги он выглядит, как труп. Проходит целая вечность, пока он придет в себя. Еще и поэтому ей хотелось другого ребенка.

Сегодня Чезаре не такой спокойный, как на предыдущих сессиях. Он выглядит возбужденным, недовольным, взбалмошным. Кажется вполне логичным связать его поведение с теми вещами, которые в своей сегодняшней беседе затронула мама. У меня появилось впечатление, что мальчик хочет к матери, я говорю об этом и передаю ей ребенка. Мать, полностью погруженная в свои мысли, не может начать с ним никакого диалога. Она выглядит очень зажатой и держит его на расстоянии. Малыш успокаивается у нее на руках, смотрит на меня, и я обращаюсь к нему. Я говорю ему то же самое, что и на первой сессии, о том, что занимает его маму, а именно, о ее желании иметь ребенка и о желании этому ребенку смерти.

Г-жа П. жалуется, что ее мать в грубой форме указывает ей на то, что она плохая мать ребенку. Она даже хотела отобрать у нее Чезаре.

4 сессия

В начале сессии, проходившей в пятницу, на первый план выступает радость по поводу новых улучшений в состоянии Чезаре. Он уже может спать некоторое время и после обеда, и г-жа П. очень довольна тем, что теперь у нее есть для себя немного свободного времени. Ночью Чезаре спит, не просыпаясь, но 5-6 раз за ночь пугается и кричит, не открывая глаз. Он успокаивается после того, как мать его погладит. Утром просыпается без крика. Мать находит его в кровати довольным и чем-нибудь занятым. Когда мать ему улыбается, он улыбается в ответ, чему она очень рада. Г-жа П. связывает все эти изменения со мной.

Г-жа П. сообщила, что у нее появилось совершенно иное, радостное отношение к ребенку, сын также встречает ее гораздо веселее, и атмосфера в семье стала значительно спокойнее. Сегодня г-жа П. впервые

принесла Чезаре на руках. Она гордо говорит, что он такой тяжелый! Она его еле донесла!

Помимо этих положительных впечатлений, я сделал несколько пугающих наблюдений. Так, например, я встречаю все семейство в помещении для ожидания, где г-жа П., скучая, отвлекает сына, сидящего на коленях у отца, книжкой с картинками. При этом она стоит на расстоянии 3 метров от него! Чезаре с трудом различает изображения, но старается угодить матери и смотрит на книжку.

С этого времени г-жа П. держит Чезаре на руках, затем передает его мне, и в завершение он оказывается на руках у отца. Малыш весьма обстоятельно занимается крокодилом, сидя у меня на коленях. Позже отец с сыном начинают разговор между собой и оба выглядят очень увлеченными.

Г-жа П. начинает впервые подробно рассказывать о себе. Сейчас ей стало значительно лучше, больше всего ей хотелось бы забыть события последних месяцев, однако она все еще думает о них. Все началось, когда она почувствовала себя обманутой врачом, на протяжении 5 лет проводившим искусственное оплодотворение: он недостаточно заботился о ней после родов. Бессознательно она хотела бы иметь ребенка от него (однажды она видела себя во сне в роскошном платье, похожем на свадебное). Затем г-жа П. рассказала о кошмарных снах, которые преследовали ее до рождения ребенка, исчезнув сразу после родов. В этих снах она летала. В одном таком сне ее преследовало нечто белое – она не может сказать точно, был ли это человек. Спасаясь от преследователя, она шагнула из окна своей комнаты и полетела, чтобы избавиться от него. В другом сне она облетала города, замки и дома, отыскивая то место, где бы ей хотелось жить. Однажды в этих повторяющихся снах произошло нечто неприятное; она не смогла подняться вверх, испугавшись, что может удариться о триумфальную арку. Затем разразилась гроза и возник образ чего-то черного, сзади напомнившего ей отца (он живет отдельно от матери), но на самом деле это был скелет. Она проснулась в испуге и чувствовала себя очень плохо.

Затем г-жа П. начинает рассказывать о Чезаре. Она испытала разочарование уже в тот момент, когда акушерка, принимавшая роды, сказала, что головка ребенка уже видна и что у него черные волосы. С возмущением она замечает, что акушерка хотела дать ей зеркало, и вновь добавляет: «Я была бы очень рада, если бы мальчик был светленьким и голубоглазым». В этот момент Чезаре хватает ртом воздух, плачет и душераздирающе кричит.

Почти не обращая на это внимания, г-жа П. продолжает рассказывать о гибели 7-недельного эмбриона, пережитой ровно год назад. Она испытала столь сильное разочарование, что покинула церковь. После этого она забеременела уже «без божьей помощи». Проблемы с Чезаре для нее – как кара господняя. В конце сессии она рассказывает о подробностях

зачатия *In vitro*: ее муж должен был получать гормоны, после чего была отобрана самая сильная сперма. У нее, как у рыбы, были взяты сотни яйцеклеток, которые были обработаны при помощи гормонов. Затем одну яйцеклетку оплодотворили в пробирке и имплантировали.

Комментарий

Нечеткое поведение матери по отношению к сыну, в котором слегка обозначены либидозные составляющие овладения, кажется мне весьма содержательным. Оно позволяет думать, что изменения в состоянии Чезаре обусловлены не столько добрым расположением матери, сколько способностью признать существование сына наряду с ее представлениями о нем.

Когда в конце недели г-жа П. начала рассказывать о своих снах и фантазиях, это стало началом весьма продуктивного процесса понимания и переработки фантазма, лежащего в основе ее желания иметь ребенка.

5 сессия

На этой сессии, в понедельник, г-жа П. сторает от нетерпения поведать о своих отношениях с матерью, которой исполнилось 69 лет и которая живет со своим младшим сыном. Мать Чезаре покинула родительский дом в 14 лет. Она с завистью рассказывает о своем брате, который всегда был безумно влюблен в мать. Большую часть своей жизни он прожил с ней, и сейчас ведет себя как маленький ребенок, хотя ему исполнилось уже 40 лет.

По мнению г-жи П., в ее отношениях с матерью присутствует конфликт между любовью и ненавистью. В дальнейшем мне становится известно, что Чезаре в этом конфликте играет существенную роль. Г-жа П. обвиняет мать в том, что в детстве она была злой, била ее, и девочка боялась, что мать ее убьет. Мать казалась ей ведьмой. Она выросла в мире, где, как в сказке, деревья проглатывают людей. Во время ее рассказа я испытываю настоящий страх, настолько магнетически она на меня действует. Г-жа П. сообщает о подобных конфликтах и со свекровью. 9 месяцев они прожили в одном доме, хотя и в разных квартирах, что не мешало г-же П. все время находиться под ее опекой и чувствовать с ее стороны отвержение. Свекровь обходилась с ней очень плохо. Отношения полностью разорваны. С родителями мужа г-жа П. не встречалась более 10 лет. Свекрови общаться с внуком она не разрешила.

Чезаре во время сессии выглядит очень беспокойным, как будто затронутая тема и в нем вызывает страх. В конце г-жа П. говорит о том, каким облегчением для нее являются наши беседы. До терапии у нее было такое ощущение, что она уже не справляется с собой. Г-н П. ничего не добавляет, он только молчаливо присутствует при нашем разговоре, и у меня появляется подозрение, что по натуре он такой же, как и его отец.

6 сессия

Сегодня речь идет прежде всего о Чезаре. На протяжении 14 дней,

пока семья приходит к нам, сигналы тревоги больше не появляются, и это доставляет родителям радость и облегчение. Ребенок стал теперь активным, сильным, бодрым и более радостным. Во время сессии он сидит, в основном, на коленях у отца и, покачиваясь на ножках, делает попытки встать. Мать позволяет другим заниматься мальчиком и говорит о том, что раньше он не мог смеяться, а сейчас смеется много и нередко – в полный голос.

Она тут же становится задумчивой и начинает говорить о своих достижениях. Теперь она отваживается прогуливаться с ним в коляске, совершенно одна, не испытывая при этом опасений, что он может умереть. Но пока еще она не очень уверена в себе. Так, она не отваживается купать сына, – ей кажется, что он может выскользнуть в воду и утонуть. Она добавляет, что сама не умеет плавать, но в воде для нее есть что-то притягательное.

Когда она это рассказывает, Чезаре сучит ножками, начинает глотать воздух и задыхаться. Начинается паника. Я беру мальчика на колени, он успокаивается. Такое положение дел дает мне повод еще раз указать родителям, что Чезаре понимает, о чем рассказывает мать, особенно когда речь идет о ее страхах.

Несмотря на то, что супруги все еще скептически относятся к подобным толкованиям, г-жа П. добавляет, что Чезаре ведет себя таким же образом, когда она собирается его купать. Он принимается кричать, как будто действительно чувствует, как она боится. С отцом же он ведет себя совершенно иначе и у него не возникает никаких проблем. Она впервые признается в том, что муж лучше знает, как надо обходиться с ребенком.

7 сессия

На прошедшей неделе я предложил семье П. встречаться один раз в неделю и проводить дополнительную сессию по мере необходимости. Уменьшение количества сессий казалось мне целесообразным, потому что обстановка разрядилась: состояние страха прошло, приступы апное у мальчика исчезли. Я был убежден, что в рамках данной терапии г-жа П. не сможет в достаточной степени переработать свои конфликты, и что ей показано длительное психотерапевтическое лечение. Мне казалось необходимым, наряду с психоаналитическим рассмотрением проблемы, которое было задано изначально видом терапии, дать возможность родителям Чезаре разобраться в самих себе и мобилизовать свои силы для дальнейшего совместного преодоления взаимных трудностей.

На сессии, проходившей в понедельник, по-видимому, в связи с уменьшением числа встреч, г-жа П., внешне вполне серьезно и как будто под принуждением, сообщает еще об одной форме отвержения сына. Бывают такие периоды, длящиеся иногда полдня, когда она воспринимает его как чужого и не испытывает по отношению к нему никаких чувств. Ею овладевает такое равнодушие, как будто ей нет до него никакого дела.

Одновременно она испытывает отчуждение и в отношении самой себя. Когда г-жа П. остается с Чезаре наедине, и тот пытается активно привлекать ее к взаимодействию, она предчувствует приближение катастрофы. Будучи беременной, она представляла, как все замечательно будет с ее ребенком. Она отмечает и ряд весьма приятных моментов: так, у нее исчезли головные боли, мучившие ее с детства.

Чезаре – совершенно неподвижен, когда мать рассказывает о чувствах отчуждения и равнодушия, которые опять-таки связаны с ее обманутыми ожиданиями. Он выглядит печальным и не проявляет никакой активности. Его внимание кажется полностью поглощенным тем, что рассказывает мать.

8 сессия

Г-жа П. начинает подробно рассказывать о больших трудностях в отношениях с собственной матерью. Обе по сей день постоянно звонят друг другу по телефону. Разговоры неизменно заканчиваются скандалами. Г-жа П. без обиняков рассказывает о ненависти, которую она с давних пор испытывает к матери, о тех невероятных упреках, которые мать бросает в ее адрес, и о том, как злобно она ей отвечает. С момента рождения Чезаре стал главной темой этого противостояния. Мать упрекает ее в том, что она не любит своего сына, и предрекает появление всевозможных катастроф. Я чувствую, что г-жа П. ждет, чтобы я ее успокоил и занял ее сторону. Однако я считаю, что не должен поддаваться, и пытаюсь осторожно заметить, что она, пожалуй, тоже чувствует правоту матери в том, что у Чезаре есть некоторые проблемы, и это еще больше ухудшает ситуацию. Моя интервенция разряжает атмосферу и ведет к тому, что г-жа П. обращается к ребенку.

Чезаре в это время живо занимается крокодилом, потом бросает его на пол, как и в первый раз. Он все время как-то беспокоится, выглядит безрадостным и начинает хватать ртом воздух. Лишь после того, как крокодил вновь оказывается в его руках, недовольство исчезает. Г-жу П. раздражает то значение, которое крокодил приобретает для сына. Она спрашивает почти зло, почему Чезаре так его любит.

Мне кажется, что вывод лежит на поверхности: подобное поведение мальчика в отношении крокодила объясняется проективной идентификацией с ним, необходимой для того, чтобы защитить себя от заглатывающего образа матери. Кажется, что с крокодилом Чезаре чувствует себя сильнее, и, тем не менее, бросает его на пол, так как не должен брать «насовсем», потому что маме не нравится, когда он играет с этой игрушкой.

9 сессия

В течение сессии г-жа П. опять притягивает все внимание к себе и заявляет: крокодил представляет собой ее мать.

Как раз в этот момент Чезаре берет фигурку матери и пытается

оторвать ей голову. Г-жа П. признается, что иногда она чувствует себя этой куклой. Я замечаю, что эта мысль появляется у нее как раз тогда, когда ребенок намеревается откусить кукле голову. Г-жа П. обиженно сообщает, что она купила Чезаре игрушечное деревянное пианино. Но он даже не притронулся к нему. Мою же игрушку – очень любит. И тут ребенок сметает куклу со стола. Теперь Чезаре очень мило играет с отцом, при этом оба весело шутят.

Очевидно, в связи с возникновением этой сцены, которая вызывает у нее досаду, она рассказывает мне, как плохо ведет себя по отношению к мужу и что она себе позволяет. В ее словах слышится пренебрежение к нему. Но она продолжает говорить о давней конфронтации, начавшейся 15 лет назад, когда она исключила из своего общения и презрела родителей мужа, и о том, что вышла замуж, чтобы принять его гражданство, что она часто ему врала, получая от этого удовольствие. Все это время она надеялась встретить другого человека. И потерпела неудачу. Сын должен был стать ее последним и единственным утешением. Теперь у нее есть сын, но она оказалась плохой матерью, и он стал для нее самым большим разочарованием.

В это время отец и сын были очень увлечены друг другом, и мне кажется, что отец пытается развлекать Чезаре для того, чтобы самому не слышать слов жены. У меня также создается впечатление, что он знает, о чем говорит г-жа П., и что он не питает по этому поводу никаких иллюзий.

10 сессия

Г-жа П. продолжает жаловаться, – как будто между 9 и 10 сессиями не было перерыва, – что на фоне счастливого союза отца и сына она чувствует себя отвергнутой и обойденной их вниманием. Сын, если видит ее, сидя на коленях у отца, то отворачивается, словно ее боится. В этот момент ее охватывает такая ярость, что она даже не может взять его на руки, боясь, что-нибудь ему повредить или уронить его на пол. И ее мать, и Чезаре настроены против нее. Поэтому она начинает сессию с той же темы, на которой остановилась в прошлый раз. Чезаре тоже продолжает свою игру с крокодиллом, как будто между сессиями не было перерыва. Это свидетельствует о том, что, несмотря на большие паузы между встречами, психоаналитический процесс переработки продолжается непрерывно.

После некоторого молчания г-жа П. добавляет, что ей приснилось, как будто она отравила свою мать: это было в гостиничном номере. Она подсыпала яд в чай. Мать замертво свалилась на кровать. Голова лежала там, где должны быть ноги, а г-жа П. допивала свой чай. Она была абсолютно спокойна, как будто произошло что-то обычное. После этого она вынесла тело матери из гостиницы, выбросила его в бак с мусором, убрала следы и продолжила чаепитие. Но тут она все же поняла, что должна позвонить в полицию и сообщить об убийстве. Она восстановила все сле-

ды для того, чтобы ей поверили. Затем она проснулась, потому что Чезаре начал кричать. В этом месте своего рассказа она стала гладить ребенка по голове.

Сновидение позволяет предположить, что она ждала звонка своей матери как завороченная, так же, как и сигнала тревоги от монитора, подключенного к сыну. Она была уверена, что теперь мать скажет: «Теперь я приду и убью тебя!» Г-жа П. припомнила, как плохо ее мать обращалась с ней в детстве, как отвергала ту еду, которую надкусывала дочка, и т.д. Она очень бы хотела, чтобы мать простила ее и поняла природу ее злых проступков. Но этого не приходилось ждать. Когда Чезаре научился рассматривать предметы, бабушка сказала: «Посмотри на меня, а не на эту ведьму! Ах, это *твой* ребенок? Но это – *мой* принц!»

Эти короткие сообщения позволили мне понять, насколько жестоким был конфликт между любовью и ненавистью, связавших мать и дочь. Я опять задался вопросом, какую роль в этой борьбе между жизнью и смертью играет Чезаре.

А он, между тем, ведет себя очень беспокойно, кричит, плачет и успокаивается лишь после того, как я беру его на колени. Я исполняю при госпоже П. роль акушерки, которая помогает извлечь на свет все то, что ей самой трудно сказать или совершить, стараясь сделать это содержание переносимым для нее.

11 сессия

На эту встречу г-жа П. приходит потрясенная событием, которое связано с Чезаре. Он проснулся после обеда в крайнем возбуждении. Она пыталась успокоить ребенка и взяла его на руки. Мальчик царапался, отбивался и сучил ножками. Мать уверена в том, что он увидел во сне ее, испугался и поэтому должен был защищаться. Отчаявшись, она позвала на помощь мужа, который быстро успокоил ребенка. Как будто в противовес этому, как бы в искупление своей вины, она рассказывает сон, в котором увидела Чезаре похолодевшим и мертвым в его кровати из-за того, что отказал монитор. Г-жа П. проснулась в панике. Она говорит о часто появляющемся у нее чувстве беспомощности, когда она не может дать мальчику то, в чем он действительно нуждается, не знает, что именно нужно, чтобы он был доволен. Это переживание вызывает у нее одновременно и страх и ненависть. В таких случаях она боится не совладать с собой и сотворить с ним что-нибудь плохое.

После долгого перерыва вновь объявилась ее мать. В последние недели г-жа П. запретила ей звонить, так как разговоры оканчивались ссорами. Однако отдаление от матери вызвало у нее разные опасения. Прежде всего, они заключались в том, что телефонный звонок всегда служил сигналом тревоги о новом приступе у Чезаре. Г-жа П. сообщила матери о том, что у Чезаре появились 2 зуба, хотя это не соответствовало действительности. Ей казалось, что такое событие служит признаком хорошего ухода с ее стороны. Однако после расспросов матери она совсем

запуталась и сказала, что речь идет о последних зубах. Матери было приятно сообщить ей, что это – аномалия. Я попытался объяснить г-же П., что все ее страхи появляются тогда, когда она начинает отдаляться от матери, и что она предоставляет матери огромную власть над собой и ребенком, и как только она пытается дистанцироваться, у нее сразу возрастают агрессия и замешательство.

И сегодня крокодил играет для Чезаре большую роль. Он служит ему другом и выполняет функцию переходного объекта. Он рассматривает его, берет в рот, и, наконец, позволяет ему упасть. Эта игра кажется мне чрезвычайно важной. Я постоянно отмечаю, как растет его живость.

12 сессия

Г-жа П. приходит опечаленная. Я узнаю, что она купила Чезаре крокодила, который ему не понравился. Он на него даже не взглянул. Это разочарование навело ее на размышления о том, что даже незначительные недомогания сына навевают ей мысли о катастрофе: так, например, когда он чешет голову, она думает об опухоли мозга. Эта ассоциация показывает, насколько велики ожидания внимания с его стороны и та ненависть, которая возникает, когда это ожидание не оправдывается.

Она говорит о том, что ей снится множество снов, в том числе – о Чезаре. До начала лечения он никогда ей не снился. Во сне он был подключен к монитору. Мать играла с ним и ждала сигнала, который никак не появлялся. Она проснулась и бросилась проверять монитор: все ли с ним в порядке?

Раньше она видела во сне только мать и их ссоры – до мельчайших подробностей. Сейчас мать как будто для нее умерла. Сны о ребенке тоже возникали лишь в связи с матерью. Так, ей снилось, будто бы она с ребенком и матерью ехала в каком-то автобусе, и они разругались. Также ей снилось, что она рождает в присутствии матери и переживает это событие вместе с ней. Однажды ей приснился странный сон, где также присутствовала мать. Г-же П. снилось, что ее ребенок лежит у нее на животе, совершенно мокрый и липкий. Она пригляделась и вдруг поняла, что это не ребенок, а огромная черная собака, но не испугалась, а довольно ее погладила, только подумала: как же я скажу мужу, что родила собаку?

Г-жа П. признается, что довольна ребенком, и оба родителя часто переживают с ним очень приятные моменты, однако она все еще боится приступов его гнева. В этот момент Чезаре вставляет фигурку матери в рот.

13 сессия

Г-жа П. рассказывает, что купила Чезаре второго крокодила, точно такого же, как у меня. Но и эта покупка его не заинтересовала. Он теперь упражняется в произнесении слова «нет», подолгу бормоча его себе под нос. Он занимается тем, что берет разные вещи и потом внезапно выпус-

кает их из рук. Это взятие и отпусkanie от себя уже не выглядит как случайность и больше напоминает ритуал.

На этой сессии перед пасхальными каникулами я узнаю об изменениях в состоянии Чезаре, В течение 11 недель не было ни одного сигнала тревоги. Дыхание значительно улучшилось. Нарушения сна, за исключением ночных страхов, появляющихся регулярно, но в мягкой форме, исчезли. Чезаре заметно вырос, успешно развивался, стал более добροжелательным и любопытным.

14 сессия

На первую сессию после двухнедельного перерыва семья приходит в беспокойстве. Г-жа П. рассказывает о двух новых сигналах тревоги. На протяжении последней недели сон становился все более тревожным, ночные страхи участились. Монитор показывал все возрастающие паузы в дыхании. Но приступы носили совершенно иной характер, чем раньше: родители обнаруживали сына проснувшимся и дышавшим. Ему уже не требовалась реанимация. Мать уверена в том, что Чезаре отреагировал беспокойством на отсутствие наших встреч. Первый приступ произошел точно после второй пропущенной встречи. Перед этим ей приснилось, что отец держит на руках дрожащего сына и говорит о том, что у ребенка начался приступ. Она сказала во сне, что несколько не удивлена – ведь сегодня как раз тот день, когда он должен был идти ко мне!

Сон, в первую очередь, дает повод сказать, что мое отсутствие ее беспокоило и, вероятно, злило, и она чувствовала себя одиноко наедине со своими проблемами. Я попытался объяснить, насколько явственно Чезаре идентифицируется с ее страхами, и какое пагубное влияние оказывают на сына ее собственные проблемы. Я удивился, когда понял, как сильна ее потребность в слиянии с сыном и какие усилия она прилагает, чтобы достичь этого единства. Ее тоже пугает способность мальчика предугадывать ее состояния и вести себя в соответствии с ними.

Появившись в кабинете, Чезаре смотрит на меня, улыбаясь, и со вздохом облегчения берет в руки крокодила. Он впервые берет в рот фигурку отца и играет с ней. Когда я подбрасываю его на коленях в игре «хоп-хоп-всадник», он сильно оживает. Моя радость затухает по мере того, как я ощущаю, насколько слабы мышцы его спины.

Комментарий

Чезаре принимает осязуемое участие в желаниях, страхах и конфликтах своей матери. Его реакции на них красной нитью проходят через весь процесс лечения. Например, на 6 сессии, когда г-жа П. рассказывает о своих опасениях, связанных с купанием сына, у нее оживают ее собственные страхи, связанные с водой. Чезаре сразу почувствовал этот страх и уже в терапевтической ситуации начал ловить воздух ртом так, как будто он мог захлебнуться. Показателен также момент, когда г-жа П. говорит о равнодушии и отчуждении (7 сессия), и

мальчик при этом впадает в полную апатию. На 14 сессии выясняется, какую потерянность испытала г-жа П. в мое отсутствие, – и ее страхи тут же передались сыну, который среагировал приступами апное.

Таким образом, мы наблюдаем у Чезаре 2 типа реакций. Одни из них соответствуют желаниям и страхам ребенка, находя выход в психосоматической симптоматике; другие – служат самозащитой против материнских проекций, выступая в особом предпочтении крокодила, и отражают агрессию по отношению к матери.

На 14 сессии, по мере того, как мать все больше осознает мои толкования, мы начинаем лучше понимать, что нечто в ней самой заставляет ее искать того тесного и неразделимого единства с сыном, уже описанного мною как слияние, которое по обыкновению лежит в основе многих психопатологических процессов. Мы видим, насколько большое значение имеет ее нежелание признавать своеобразие и индивидуальность младенца, что вновь и вновь становится темой наших сессий. Мой опыт убеждает, что здесь происходит вытеснение и отрицание во имя сохранения некой иллюзии (см. сессии 30-32).

15 сессия

Г-жа П. рассказала о том, что сигнал тревоги включался вновь, правда, все обошлось без особых волнений. Она лишь взяла ребенка на руки и снова положила его в кроватку. Приступ, как можно полагать, опять был вызван внутренним конфликтом г-жи П. Родителей пригласили на свадьбу одного из их друзей. Г-жа П. радовалась этой свадьбе, купила себе красивое платье и т.д. Однако, готовясь к торжеству, она испытала приступ острой зависти к невесте. Во время сессии она плакала. Этот праздник разрушит все ее иллюзии. Она не сможет радоваться. Она боится разрыдаться при одном только взгляде на невесту. Зависть частично связана с ее отношениями с матерью: ее тайной мечтой стало обретение былой доброжелательности.

Когда г-жа П. спрашивает меня, должна ли она идти на свадьбу, я, помедлив, отвечаю, что было бы жаль, если бы она пропустила этот праздник.

16 сессия

Г-жа П. приходит очень довольная, с мужем и сыном, и говорит, что все прошло замечательно: плохая погода и дождь испортили невесте весь праздник.

17 сессия

Г-жа П. пришла на сессию с обвинениями и жалобами, потому что в ночь с субботы на воскресенье было отмечено 4 сигнала тревоги. Хотя приступы протекали относительно спокойно, она была убеждена, что, рассердившись, я пожелал их ей в наказание.

Она снова пережила конфликт, на этот раз – в связи с отцом, что можно было увидеть в переносе, обращенном прямо на меня. Она

сообщила о том, что связалась с отцом после долгих лет молчания. Ей казалось, что мне будет приятно, если она сообщит ему о рождении его единственного внука. Вопреки ее опасениям, отец среагировал на известие дружелюбно и с пониманием. Но сразу же после этого события к ней вновь вернулись приступы мигрени, исчезнувшие сразу после беременности.

Когда я узнаю, что она, вслед за матерью, на протяжении многих лет считала отца злым, подлым и коварным, то начинаю лучше понимать происходящее. Мать всегда говорила, что отец не дает денег для дочери, желая, чтобы она умерла. Она признала, что мать совсем не так хороша и совершенна, как ей казалось в годы далекого детства, а отец вовсе не был тем чудовищем, которое они обе видели в нем. Она верила тому, что говорила ей мать, и никогда не ценила его спокойного и дружеского расположения.

На нескольких сессиях я возвращался к этим отношениям, которые затрагивают и Чезаре. Сама того не осознавая, г-жа П. вынуждена была обесценивать мужчин, – как своего отца, так и мужа, чтобы угодить матери, которая должна была оставаться для нее совершенством. Она пожертвовала всем, чтобы разделить это совершенство.

18 сессия

Я вновь узнаю о двух остановках дыхания, не вызвавших, однако, большого беспокойства. Г-жа П. говорит мне о новых успехах Чезаре, но и о том, что он становится все более требовательным, быстро выходит из себя и порой бывает совершенно невыносимым.

Появление двух новых приступов совпадает по времени с конфликтными ситуациями у матери, в которых вновь присутствуют фантазии о смерти.

У г-жи П. есть комнатная собачка, которая на протяжении долгих лет заменяла ей ребенка и была очень обласкана. С тех пор, как появился Чезаре, собака, которую зовут Дядя Ваня, стала для нее обузой. К тому же, она ревновала собаку к ребенку, «как ведьма». В связи с операцией по удалению зуба собаке сделали наркоз, и г-жа П. надеялась, что та не сможет проснуться. Она понимает, что это дурные мысли, но не может отказать себе в маленькой радости – «радости ведьмы» по этому поводу.

Другая конфликтная ситуация связана с посещением родителей со стороны мужа. В связи с рождением внука по поводу этого визита была достигнута вынужденная договоренность. Г-жа П. вновь заводит разговор о своих страхах, в которых большое место занимают представления о вине и искуплении. На мой взгляд, они не могут не оказывать влияния на отношения с Чезаре.

19-21 сессии

Г-жа П. пришла одна. На протяжении 3 недель не появлялось никаких сигналов тревоги. Пользуясь случаем, г-жа П. озабоченно поведала о

проблемах с мужем, который полностью прекратил с ней сексуальные отношения; и зарабатывает не так много, как раньше. Затем она подробно рассказывает о своих прежних, довольно-таки частых увлечениях другими мужчинами.

Я согласен, что о такого рода проблемах надо говорить в отсутствие мужа. Я обращаю ее внимание на потребность вести себя так, чтобы все «вращалось» вокруг нее. Она предоставляет мужу так мало места на сессиях, как и в их совместной жизни, что он, в конце концов, перестает с этим мириться, протестует (так же, как и она, в отношении матери, а Чезаре – в отношении ее самой) и, возможно, бессознательно ее отвергает.

Во время этого разговора Чезаре ведет себя спокойно, сидя поочередно то у меня, то у матери на руках. Некоторое время он спит в коляске.

22 сессия

Г-н П. приходит с Чезаре один. К моменту встречи наблюдалось 2 сигнала тревоги вне очевидной связи с какой-либо конфликтной ситуацией. Г-н П. не без удовольствия делится со мной тем, что он впервые поругался с женой. Его самого это сильно удивило. Мы говорим о том, как он старается не допускать ссор, как вынужден отодвигать свои интересы на второй план и пр.

В связи с этим г-н П. думает, что жена проецирует на Чезаре свое собственное совершенство, которым сын, на самом деле, не обладает. В ответ на это тот капризничает и выражает недовольство. Я также узнаю, что желание жены по поводу второго ребенка становится все настойчивее.

23-27 сессии

В промежутке между праздником Троицы и летними каникулами я встречаюсь с семьей раз в 2 недели. Сигналы тревоги появлялись редко, а в последнее время совсем исчезли. Теперь во время сессий речь идет о родительских проблемах. После трудностей, возникших в самом начале, они впервые могут говорить друг с другом. Г-н П. крайне осторожно, но все более отчетливо подает голос и вносит поправки и добавления. Чезаре присутствует на всех сессиях, становясь любознательным и дружелюбным мальчиком. У него все еще сохраняются отдельные не координированные агрессивные реакции, которые превращают его в глазах матери в маленького тирана.

28-29 сессии

После летних каникул семья приходит в хорошем настроении. Когда г-жа П. узнала у врача детской клиники, что монитор должен быть отключен, у нее началась паника, возросшая еще больше после очередной длительной остановки дыхания. Она просит меня о незамедлительном проведении еще одной дополнительной сессии.

Я узнаю, что содержание ее страха сводится к тому, что она больше не сможет контролировать существование Чезаре, его жизнь и смерть. Без

монитора он может умереть. В последние два дня он был очень агрессивным. Если бы ребенок умер, она бы, наконец, обрела покой.

Помимо этого, она повествует о том, как разочарована и сердита на то, что ее сын, ее ребенок, с самого начала был очень неласков. Ее собака тоже не ласкалась к ней, что г-жа П. объясняет тем, что это – самец. Однако после появления Чезаре пес все время хотел ласкаться. Она также с трудом переносит то, что Чезаре с неохотой отпускает отца на работу. Остается думать, что малыш с удовольствием оставался бы с ним, а не с матерью.

Она упрекает мужа в том, что он не хочет иметь с ней сексуальных отношений, потому что она может забеременеть и родить желанного ребенка.

Чезаре с неизменным вниманием и расположением демонстрирует свое пристрастие к крокодилу.

Комментарий

В конце лечения у г-жи П. вновь появляются желания, связанные со смертью сына. Она ожидает, что Чезаре исполнит то, о чем она мечтала, – он умрет, и для нее наступит, наконец-то, покой. Здесь можно наблюдать проективную идентификацию. Она также впервые говорит о том разочаровании, которое часто испытывают матери, приводящие к нам психически больных детей: собственный ее ребенок избегал материнской ласки, когда был еще совсем маленьким. Если этот факт рассматривать в соответствии с объяснением, данным г-жой П. поведению ее собаки, которая «вела себя так, потому что это – самец», то получается, что Чезаре защищался от ее желаний и потребностей в нежности, потому что он – мальчик. Это показывает, насколько сильно г-жа П. сексуализирует свои отношения с сыном. Разрешение своих проблем она видит в ином ребенке, который бы оправдал все ее ожидания.

30 сессия

Когда Чезаре исполнилось 2 года и 2,5 месяца, монитор был отключен. Чезаре спал после этого лучше, и ночные страхи у него больше не появлялись.

Наряду с мелочами, г-жа П. упоминает об одной примечательной и странной вещи. С одной стороны, она всю жизнь пыталась отделиться от матери, хотя ей это так и не удалось. С другой, многие годы она мечтала и пыталась родить ребенка, который бы соответствовал всем ее ожиданиям.

Г-жа П. вспоминает, что ее мать представлялась ей самым красивым и совершенным существом, и она ее сильно идеализировала. Сегодня мать кажется ей ведьмой, которая настроила ее против отца и разлучила с ним.

Отделение от идеализируемой матери представляется возможным лишь в том случае, если детская идеализация трансформируется в фантазию о ребенке, которым женщина могла бы восхищаться так же, как

когда-то – матерью. Желанный ребенок в качестве источника ее фантазий является нарциссическим и сверхценным объектом, находящимся в ее власти и призванным быть послушным во всех отношениях. Он должен безгранично любить мать и не иметь никакой индивидуальности. Подобным образом она и провела большую часть своей жизни, стараясь отвечать материнским ожиданиям безоговорочной любви с ее стороны и идеализации. Эта комбинация из идеальных требований и далеких от реальности ожиданий неизбежно привела к злобе и ненависти.

Я пытаюсь поговорить с г-жой П. о тех ее желаниях, которые также служат источником разочарований и агрессивных чувств.

Чезаре все время играет с крокодилом.

31 сессия

Г-жа П. возвращается к ссоре с матерью. Она так ее любила, так ею восхищалась и искала с ней близости, но это всегда приносило лишь ссоры и злобу. Она хотела родить ребенка, чтобы расстаться с матерью. Мать должна была, наконец-то, увидеть, что это было большой ошибкой со стороны дочери – любить такую мать, как она.

Я пытаюсь объяснить, что она хотела бы, чтобы Чезаре точно так же восхищался ею, как и она должна была восхищаться своей матерью. Я также напоминаю, что в этих запутанных отношениях, как в тюрьме, оказались все.

32 сессия

Во время последней встречи все мы почувствовали нечто вроде траура. Безусловно, подобные чувства, незаметно давая о себе знать, давно витали в атмосфере сессий. Но только с приближением конца лечения они проявились во всей остроте, были облечены в слова и высказаны вслух.

Г-жа П. начала с рассказа о том, что телефонные разговоры с матерью становятся все приятнее. Но, несмотря на эту радостную перемену, она испытывает печаль, которую трудно вынести. Это печаль по утраченной надежде на то, что отношения с матерью могут быть теплыми и сердечными. Сейчас ей становится лучше, но она никогда не предполагала, что эта печаль может быть такой болезненной. Даже если бы мать умерла, она бы не была настолько печальной. И речь идет не об отделении от матери, а о расставании с надеждами, которые ей хотелось бы реализовать в отношениях с матерью.

Я говорю о печали, связанной с окончанием лечения, и о том, что она искала во мне человека, который смог бы дать ей все, о чем она мечтала. На прощание я напоминаю г-же и г-ну П. о том, что они могут обратиться ко мне в любой момент, на случай, если вдруг появятся трудности.

Комментарий

Синдром внезапной детской смерти очень интересовал меня в последние 10 лет в связи с рассказами родителей погибших младенцев

(Stork, 1991, s.48-70 und 250-285). В исследованных мною случаях, где применима психологическая интерпретация, в различных вариациях присутствуют фантазии, включающие желание иметь исключительного ребенка, созданного воображением матери. Представленный в данной статье случай отличается от других тем, что, благодаря счастливому стечению обстоятельств и подключению к монитору, малыш остался жив. Мы узнали об ирреальной системе фантазий, в которой одновременно сочетались идеализация ребенка как нарциссического объекта, глубокое разочарование в нем и желание его смерти.

Этот случай позволяет нам рассмотреть развитие системы подобных фантазий через призму отношений женщины с собственной матерью. Та реакция печали, которая, с одной стороны, носит мимолетный характер и, надо полагать, не вызовет существенных изменений, с другой – демонстрирует наличие здоровых механизмов переработки, что, безусловно, будет иметь далеко идущие последствия. Все это в целом позволяет предположить, сколь обширны и глубоки эти бессознательные отношения.

Как уже упоминалось, мне хотелось бы подробно рассмотреть данный материал еще и в другой связи.

По моей просьбе, я встретился с семьей спустя 10 месяцев. У всех троих дела обстоят хорошо. У Чезаре пока еще сохраняются некоторые его двигательные особенности и наблюдается задержка развития: несмотря на свои 2 года, он не может говорить предложениями, хотя имеет достаточный словарный запас и понимает многие слова. Особым интересом у него пользуются автомобили. Обследование не выявило у него никакой психической патологии.

Мать рассказала еще об одной попытке родить ребенка. Уже на первой неделе подготовки к искусственному оплодотворению она была сильно удивлена тому, что Чезаре быстро понял, что она замышляет. Он стал ее отвергать и сильно злиться, несмотря на то, что она ничего не говорила о своих намерениях. После неудавшейся попытки и последовавшего за ней разочарования она рассталась со своей надеждой навсегда. Чезаре снова стал с ней более ласковым.

Перевод К.Солоед

ЛИТЕРАТУРА

Stork J.(1991). Wege der Individuation. VIP, Weinheim.